

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО
АТОМНОГО ПРОЕКТА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА
ГЕРОЯ РОССИИ Ж. А. КОВАЛЯ**

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ *

История советского атомного проекта, как правило, рассматривается с акцентом на научные, технические и политические аспекты создания ядерного оружия и атомной энергетики. Не менее важным, однако, является вопрос о роли разведки в советском атомном проекте и характере взаимоотношений его административного и научного руководителей – Л. П. Берии и И. В. Курчатова.

Основным затруднением при изучении этого вопроса является скудность документальной базы – значительная часть архивных материалов остается секретной, а большинство участников событий не оставили подробных воспоминаний. Тем более интересным в этой связи является обнаружение документов, связанных с деятельностью выдающегося «атомного разведчика», Героя РФ Ж. А. Ковалья. Они отражают оценку деятельности разведчика на самом высоком уровне – со стороны руководителя советского атомного проекта Берии – и проливают свет не только на содержание добытой Ковалем информации, но и свидетельствуют о его важной роли в сложных взаимоотношениях между Берией и Курчатовым в критический момент проекта – накануне испытаний первой советской атомной бомбы в 1949 г.

Не менее интересной является и история обнаружения этих документов, которая связана с последним периодом жизни Ковалья и признанием его выдающейся роли в «игре разведок» как со стороны российских, так и американских коллег. Один из ветеранов и ведущих историков Манхэттенского проекта А. Крамиш, руками которого был смонтирован механизм взрывателей первого «гаджета» в Аламогордо, в письме Ковалю сам выражает желание написать «длинную историю твоего подвига».

Проведенный анализ документов далеко не окончателен, и настоящая публикация предоставляет независимым исследователям возможность иной их содержательной интерпретации.

Ключевые слова: Ж. А. Коваль, Л. П. Берия, И. В. Курчатов, А. Крамиш, советский атомный проект, Манхэттенский проект, разведка, Герой России.

* Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. Россия, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1. E-mail: lebedev@bmsu.ru.

THE NEW DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE SOVIET ATOMIC PROJECT FROM THE FAMILY ARCHIVE OF GEORGE KOVAL, THE HERO OF RUSSIA

YURI ALEKSANDROVICH LEBEDEV [□]

The history of the Soviet atomic project is usually considered with an emphasis on the scientific, technological, and political aspects of the creation of nuclear weapons and atomic power industry. No less important, however, is the role of intelligence in the Soviet atomic project and the nature of relationship between its administrative and scientific leaders, L. P. Beria and I. V. Kurchatov.

The main difficulty in the study of this problem is the scarcity of document base: a substantial part of the archive materials remains classified and the majority of participants in the relevant events had not left any detailed memoirs. All the more interesting in this context is the discovery of documents related to the work of an outstanding “nuclear spy”, G.A. Koval, Hero of the Russian Federation. These documents reflect the assessment of the spy’s activities on the highest level – by Beria, the head of the Soviet atomic project – and not only shed light on the content of information obtained by Koval but also indicate his important role in a complicated relationship between Beria and Kurchatov at the critical moment of the project, on the eve of the first Soviet atomic bomb test in 1949.

No less interesting in the history of discovery of these documents that is associated with the final period of Koval’s life, the acknowledgement of his prominent role in the intelligence game by both the Russian and the American colleagues. In his letter to Koval, A. Kramish, a veteran and leading historian of the Manhattan Project, who had assembled the fuse mechanism for the first “gadget” in Alamogordo, expresses his willingness to write a long history of Koval’s heroic endeavor.

The analysis of these documents is far from complete and this publication provides an opportunity for independent researchers to otherwise interpret their content.

Keywords: G.A. Koval, L.P. Beria, I.V. Kurchatov, A. Kramish, Soviet atomic project, Manhattan project, intelligence, Hero of Russia.

Роль советской разведки в успешном завершении первой стадии советского атомного проекта – создании атомной бомбы – до сих пор остается недостаточно проясненной в связи с закрытостью основных архивных материалов по этой теме. Так что в этой области можно ожидать еще многих сюрпризов и сенсаций. Одна из подобных сенсаций произошла относительно недавно – на рубеже XX и XXI вв., когда была рассекречена личность участника советского и американского атомных проектов, кавалера американских медалей «За примерное несение службы» и «За победу во Второй мировой войне», советских медалей «XXX лет Советской Армии и Флота», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», ордена Отечественной войны II степени, почетного знака «За службу в военной разведке» и Героя России Жоржа Абрамовича Ковалю. Это – новая фигура в истории создания атомного оружия. До начала XXI в. о нем как об участнике атомных проектов историкам науки не было известно ничего.

[□] Bauman Moscow State Technical University. 2-ya Baumanskaya ul., 5, str. 1, Moscow, 105005, Russia. E-mail: lebedev@bmsu.ru.

Ж. А. Коваль, август 1949 г.

Ж.А. Коваль родился 25 декабря 1913 г. в семье еврейского эмигранта из Белоруссии плотника Абрама Коваля и его жены Этель Шинитской в Сью-Сити (Айова, США). В 1932 г. он вместе с семьей репатриировался в СССР, в Еврейскую автономную область. После окончания в 1939 г. Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева был призван в Красную Армию. Прошел подготовку в школе ГРУ и в 1940 г. был направлен на нелегальную работу в США, где находился до 1948 г. С 1949 по 1985 г. работал в МХТИ им. Д.И. Менделеева. Скончался 31 января 2006 г. в Москве.

Жорж Абрамович не был ни физиком, ни конструктором – по базовому образованию в США он был электро-

техником (два курса Университета Айовы в 1931–1932 гг. и диплом бакалавра Нью-Йоркского городского колледжа 1948 года), а по базовому образованию в СССР – химиком-технологом (диплом инженера МХТИ им. Д.И. Менделеева). Американские награды он получил за безупречную военную службу в годы Второй мировой войны на атомных объектах США, а звание Героя России посмертно, как сказано в указе о награждении, – «за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания».

Первые биографические материалы о Ковале были опубликованы в период с августа 1999 г. (первое упоминание о нем в открытой печати) по октябрь 2007 г. (присвоение ему звания Героя РФ). Они далеко не полны и противоречивы, к тому же в известной мере искажены в силу понятной для историков советского атомного проекта специфики их обнародования. Принадлежность Коваля к Главному разведывательному управлению Генерального штаба делает наличие лакун, противоречий и сознательных искажений его биографических данных в публикациях его первого биографа В. Лоты ¹ неизбежным. Кроме указанных публикаций в это время появились и биографические материалы из источников, никак не связанных с разведывательной деятельностью Коваля ². Особо отметим статью

¹ *Лота В.И.* Ключи от ада // Совершенно секретно. 1999. № 8 (124). С. 18–19; *Лота В.И.* Операция «Дельмар» // Красная звезда. 19 апреля 2002 г. № 71 (23616). С. 1–2; *Лота В.И.* ГРУ и атомная бомба, М.: Олма-Пресс, 2002; *Лота В.И.* Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 40–44; *Лота В.И.* Его звали «Дельмар» // Красная звезда. 25 июля 2007 г. № 128 (24894). С. 3–4.

² *Жуков А.П.* Mendeleyevets at Oak-Ridge (st. Tennessee USA) // Исторический вестник РХТУ. 2001. № 3 (5). С. 31–35; *Латынина А.* «Истинное происшествие» и «расхожий советский сюжет» // Новый мир. 2006. № 6. С. 168–176; *Лебедев Ю.А.* О доблести, о подвиге, о славе... (2007). Весной 2007 г. статья была передана для ознакомления в ГРУ, однако никаких ком-

А. Латыниной³, поскольку в ней впервые рассматриваются таинственные события 1949 г., напрямую связанные с удивительным «разоблачением» Ковалева как разведчика в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (в варианте «Круг-96»⁴).

Важно отметить, что в первых публикациях Лота не сообщалось, что приводимые в них сведения об агенте «Дельмар» относятся именно к Ковалеву, а в работах А.П. Жукова⁵, Латыниной⁶ и первоначальном рукописном варианте статьи Ю.А. Лебедева⁷ не сообщался его оперативный псевдоним разведчика «Дельмар». Впервые он официально был раскрыт в газете «Красная Звезда»⁸.

Присвоение Президентом РФ В.В. Путиным 22 октября 2007 г. указом № 1404 Ковалеву звания Героя Российской Федерации вызвало вал публикаций о нем как в России, так и в США. Отметим среди них американские статьи В. Брода⁹ и М. Уолша¹⁰ и статьи корреспондента ИТАР – ТАСС в Вашингтоне А. Шитова¹¹, основанные на архивных данных ФБР и личных контактах с ветеранами Манхэттенского проекта.

В связи с присвоением Ковалеву высокого звания в резиденции Президента РФ Ново-Огарево была проведена торжественная церемония. В.В. Путин в присутствии руководства ГРУ ГШ передал министру обороны А.Э. Сердюкову Звезду Героя на хранение в музей ГРУ. Видеосюжет об этом мероприятии был показан ведущими телеканалами России, что вызвало всплеск интереса к биографии разведчика. Однако он был недолгим. Современное информационное пространство достаточно насыщено информацией о знаменитостях, их ярких биографиях и частной жизни. Жорж Абрамович не был знаменитостью при жизни и не стал ею и после государственного признания заслуг после смерти. У иной эпохи были другие герои и кумиры.

В период с 2008 по 2013 г. Лота продолжил публикации о Ковале. Его работы этого времени¹² в основном повторяли сведения из первых публикаций, но содержались в них и некоторые новые факты.

ментариев получено не было. По независящим от автора причинам она не была опубликована ни в отечественных изданиях, ни в Интернете в первой половине 2007 г. После присвоения Ковалеву звания Героя России статья в новой редакции была передана в израильскую газету «Окна» и опубликована там в 2008 г. (Лебедев Ю.А. Парадоксы судьбы // Окна (еженедельное приложение к газете «Вести», Тель-Авив). 10 января 2008 г. С. 18, 22. 17 января 2008 г. С. 20, 33. 14 февраля 2008 г. С. 38–39. 21 февраля 2008 г. С. 26–27). Перепечатана в «Историческом вестнике РХТУ»: Лебедев Ю.А. О доблести, о подвиге, о славе... Парадоксы судьбы Героя России Жоржа Ковалева // Исторический вестник РХТУ. 2009. № 28 (3). С. 13–29.

³ Латынина. «Истинное происшествие»...

⁴ Солженицын А. И. В круге первом. Париж: YMCA-Press, 1978.

⁵ Жуков. Mendeleevyevs at Oak-Ridge...

⁶ Латынина. «Истинное происшествие»...

⁷ Лебедев. О доблести, о подвиге, о славе...

⁸ Лота. Его звали «Дельмар»...

⁹ Broad, W.J. An American 'Regular Guy' Was a Russian Top Spy // The New York Times. November 11, 2007; Broad, W.J. A Spy's Path: Iowa to A-Bomb to Kremlin Honor // The New York Times. November 12, 2007.

¹⁰ Walsh, M. Iowa – Born, Soviet – Trained // Smithsonian. 2009. May. P. 40–47.

¹¹ Шитов А. Агент Дельмар выходит на связь // Российская газета. 30 января 2008 г. № 4575. С. 9; Шитов А. Герой России остался гражданином США // Российская газета. 4 июня 2008 г. № 4676. С. 9.

¹² Лота В.И. Звезда «Дельмара» // Российское военное обозрение. 2008. № 10. С. 40–44. № 11. С. 34–49; Лота В.И. Ключи от ада. М.: Кучково поле, 2009.

Некоторое оживление интереса к биографии Коваля произошло в 2013 г. в связи с подготовкой к празднованию 100-летия со дня его рождения в Российском химико-технологическом университете им. Д. И. Менделеева. Однако интерес этот не вышел за рамки «корпоративного мероприятия», хотя и обогатил литературу о Ковале двумя биографическими книгами¹³ и новой статьей Лоты¹⁴.

В самое последнее время вышла книга об истории «вербовок» Коваля – истории его взаимоотношений с ГРУ в 1939 и 1999 гг.¹⁵ – и опубликовано одно из писем Коваля жене Л. А. Ивановой, относящееся к его пребыванию в США в 1942 г.¹⁶

Разумеется, перечисленными публикациями перечень биографических материалов о Ковале не исчерпывается, однако большинство других работ – заметок, кратких биографий и т. п. – являются компилятивными и нередко содержат как недостоверную информацию, так и сознательную дезинформацию. В связи с этим следует признать, что с историко-научной точки зрения биография Коваля изучена весьма поверхностно и необходимо интенсифицировать работу по сбору фактических материалов – документов и воспоминаний знавших Жоржа Абрамовича лиц, а также аналитическую работу по реконструкции его биографии.

Новые документы о Ж. А. Ковале

Очевидно, что ценнейшими источниками исторической информации являются подлинные документы эпохи и свидетельства современников. «Атомная эпоха» с этой точки зрения является особенной потому, что многие ее свидетельства до сих пор скрываются под грифом секретности. Это еще 20 лет назад на страницах ВИЕТ констатировали А. В. Андреев и А. Б. Кожевников, упоминая одну из работ по истории советского атомного проекта:

Полтора года назад ВИЕТ опубликовал подборку материалов о советском атомном проекте [1]¹⁷. Это были документы, рассекреченные службой внешней разведки и рассказывавшие о ее вкладе в создание советской атомной бомбы. Материалы же, отражающие работу других участников атомного проекта – физиков и инженеров, вохровцев и зеков, – все еще лежат в засекреченных архивах. И пока они остаются недоступными, мы будем особенно высоко ценить каждый новый документ, каждое новое свидетельство непосредственных участников событий¹⁸.

¹³ *Беспалов А. В., Семенов Г. М.* Жорж Абрамович Коваль, защитник Отечества, педагог, ученый, человек (очерки истории). М.: РХТУ, 2013; *Жуков А. П.* Жорж Абрамович Коваль (1913–2006). Атмосфера действий. М.: РХТУ, 2013.

¹⁴ *Лота В. И.* Спецкомандировка... в Ок-Ридж // Красная звезда. 25 декабря 2013 г. № 238 (26457). С. 6. 15 января 2014 г. № 4 (26464). С. 6.

¹⁵ *Лебедев Ю. А.* Два выбора... (об истории вербовок Ж. А. Коваля). М.: РХТУ, 2014.

¹⁶ *Лебедев Ю. А., Коваль Г. И.* Пищать нельзя... // Исторический вестник РХТУ. 2014. № 44. С. 20–21.

¹⁷ Имеется в виду работа: У истоков советского атомного проекта: роль разведки, 1941–1946 гг. (по материалам архива внешней разведки России) // ВИЕТ. 1992. № 3. С. 97–134.

¹⁸ *Андреев А. В., Кожевников А. Б.* Копенгагенская операция советской разведки // ВИЕТ. 1994. № 2. С. 18–21.

Ж.А. Коваль и М.Г. Коваль, 23 февраля 2003 г.

С тех пор открылись многие ранее секретные архивы. Но даже публикация фундаментального многотомника «Атомный проект СССР» под редакцией Л. Д. Рябева не решила эту проблему до конца. Поэтому столь важен каждый новый документ и свидетельство.

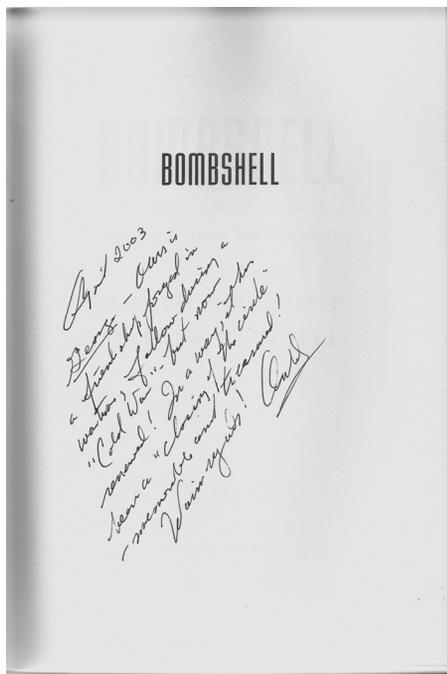
Личный архив Жоржа Абрамовича Коваля, находящийся в распоряжении его семьи, уже послужил источником нескольких публикаций о нем¹⁹ и, можно надеяться, еще предоставит исследователям важные материалы для его биографии. Это подтверждает последняя по времени находка. В январе 2014 г. Майя Геннадьевна Коваль, внучатая племянница Жоржа Абрамовича, при просмотре книг из его личной библиотеки обнаружила в изданной в США книге «Бомба. Тайная история неизвестного эпизода атомного шпионажа в Америке»²⁰ два листа ксерокопий документов.

На книге есть дарственная надпись²¹:

¹⁹ *Лебедев*. О доблести, о подвиге, о славе...; *Лебедев*. Два выбора...; *Лебедев, Коваль*. Писать нельзя...

²⁰ *Albright, J., Kunstel, M.* Bombshell. The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy. N. Y.: Times Books, 1997.

²¹ Расшифровка письменного текста и перевод осуществлены Артемом Лебедевым и Амандой Фриз (*Amanda Freise*).

Дарственная надпись на книге
Дж. Олбрайта и М. Канстелл «Бомба»

Я отправил тебе биографию Теодора Алвина Холла (*Theodor Alvin Hall*), с которым работал в Лос-Аламосе. Он умер около трех лет назад в Кембридже, Великобритания, но до этого я приезжал навестить его и его жену. Очень интересная получилась беседа, в частности, по поводу его побуждений. Авторы этой книги, Джо Олбрайт (*Joe Albright*) и Марсия Канстелл (*Marcia Kunstel*), были очень скрупулезны в своих исследованиях и составлении текста, но я думаю, они ошибочно определили автора одного отчета ²⁴.

²² Думаю, что это выражение должно было вызвать у Жоржа Абрамовича образ из Екклесиаста: «возвращаться на круги своя». Хотя, как указал переводчик текста А. Ю. Лебедев, в стандартном английском переводе Библии именно этого словосочетания в книге Екклесиаста нет (в английском переводе этот образ выражен так: «The wind blows to the south and goes around to the north; around and around goes the wind, and on its circuits the wind returns»), но «высокий стиль» инскрипта Крамиша и нередкие обращения в переписке с Ковалем к историко-библейским атрибутам могли породить такую коннотацию. Это важно отметить, поскольку, как это будет показано в дальнейшем, к событиям, связанным с содержанием присланных документов, в течение его долгой жизни Жоржу Абрамовичу действительно приходилось возвращаться в критические для него периоды.

²³ Жуков. Mendeleyevets at Oak-Ridge...; Лебедев. О доблести, о подвиге, о славе...; Лебедев. Два выбора...

²⁴ На с. 194–195 авторы пишут: «Тем не менее есть основания полагать, что в конце 1940-х гг. Холл передал Советам ряд секретных сведений, что существенно повлияло на гонку вооружений. В настоящее время известно, что той же зимой, когда состоялась встреча Холла [с советским агентом] в заснеженном Нью-Йорке, разведывательный отчет с изложением американских новшеств достиг Москвы, что позволило организовать массовое производство атомных бомб.

Апрель 2003
Джордж,

Наша дружба ковалась во время войны, оставалась под спудом во время «холодной войны», а теперь возобновляется! В каком-то смысле это «замыкание круга» ²² – возвращение к истокам – памятное и ценное!

С наилучшими пожеланиями,
[автограф А. Крамиша]

Автором этой надписи является Арнольд Крамиш – американский физик и историк атомных проектов США и СССР. Он был сослуживцем Ковалю во время его срочной военной службы на атомном объекте в Ок-Ридже. История возобновления отношений Крамиша и Ковалю после более чем полувекового перерыва (1948–2000) подробно изложена в упомянутых выше публикациях ²³.

Факт авторства этой надписи подтверждается письмом Крамиша Ковалю от 6 апреля 2003 г.:

Я вложил две страницы этого отчета в книгу и думаю, тебе будет невероятно интересно!²⁵

Найденные М. Г. Коваль вложения – два листа – являются ксерокопиями отдельных листов из некоей подборки документов:

На первом листе в правом верхнем углу имеется рукописная отметка: «Рас-секречено. Акт от 15.11.93 [подпись]». Ниже расположены два машинописных документа: распоряжение Л. П. Берии²⁶, адресованное М. Г. Первухину²⁷ и А. П. Завенягину²⁸ с грифом «Сов. секретно» и его личной подписью, и копия докладной записки неизвестного лица на имя Берии с грифом «Копия. Сов. секретно (особая папка)». На листе имеется множество рукописных отметок, автографов и резолюций.

Текст первого документа (подчеркивание в оригинале):

Сов. секретно

Т. П. ПЕРВУХИНУ М. Г.
ЗАВЕНЯГИНУ А. П.

1. Ознакомьтесь с материалами, а также пошлите (по согласованию с т. Федотовым²⁹ 1 экз. материалов тт. Ванникову³⁰ и Курча-

Возможно, это всего лишь совпадение, но в докладе описан секретный процесс получения изотопов, который использовался в Хэнфорде, где, возможно, работали друзья Холла Анта и Аден. Доклад с пометкой «Совершенно секретно» был направлен Берии 1 марта 1949 г. Экспертиза документов, полученных авторами из архивов российского Министерства по атомной энергии, показывает, что в докладе описывается промышленный процесс производства полония-210, изотопа, который служит ключевым компонентом в инициаторном механизме ядерной бомбы». Как видно из текста, авторство источника материалов отчета приписывается Т. Холлу. Важно и то, что документы были получены не от ГРУ, а от Министерства по атомной энергии.

²⁵ Электронное письмо А. Крамиша Ж. А. Ковалю от 6 апреля 2003 г. Текст предоставлен М. Г. Коваль. Ею же выполнен перевод.

²⁶ Л. П. Берия в это время был заместителем председателя СМ СССР, председателем Спецкомитета при СМ СССР, руководил всеми работами по использованию атомной энергии в СССР (См.: Атомный проект СССР: документы и материалы / Ред. Л. Д. Рябев. М.: Изд-во МФТИ, 2002. Т. 1. Ч. 2. С. 602).

²⁷ М. Г. Первухин в это время был первым заместителем начальника Первого главного управления при СМ СССР и министром химической промышленности СССР (См.: Атомный проект СССР... С. 677).

²⁸ А. П. Завенягин в это время был первым заместителем начальника Первого главного управления при СМ СССР и заместителем министра внутренних дел. Ведал вопросами строительства объектов Первого главного управления, а также вопросами разведки и добычи урановой руды (См.: Атомный проект СССР... С. 635).

²⁹ П. В. Федотов – генерал-лейтенант, в это время – один из руководителей Комитета информации при СМ СССР, МВД и КГБ (См.: Атомный проект СССР... С. 705). Фамилия подчеркнута, вероятно, рукой Берии.

³⁰ Б. Л. Ванников в это время был начальником Первого главного управления при СМ СССР (См.: Атомный проект СССР... С. 610). Казалось бы, именно ему и нужно было поручить организацию работ с документами разведки. Однако в это время он был болен и его замещал Первухин, которому и было поручено провести эти работы. Тем не менее Берия, вероятно, специально указал Первухину на необходимость ознакомить Ванникова с документами, важность которых, по его мнению, настолько велика, что нездоровье Ванникова не могло служить оправданием его устранения от знакомства с этим делом.

тову ³¹ (а материал № 822-б и № 822-в ³² также и т. Харитону ³³) для изучения и проверки.

2. Вместе с тт. Ванниковым, Курчатовым и Харитоном (а по материалам № 822-а и № 822-г с участием тт. Мешика ³⁴ и Сазыкина ³⁵) продумайте, как необходимо использовать эти материалы.

Ваши выводы и практические предложения доложите.

«4» марта 1949 г. [личная подпись Л.П. Берии]

Текст второго документа:

К о п и я
Сов. секретно
(Особая папка) ³⁶

Товарищу Б Е Р И Я Л. П.

При этом представляю Вам следующие материалы:

- 1) Атомный центр в Окридже, № 822-а ³⁷ на 18 л.
- 2) Завод по производству полония в г. Дэйтоне, № 822-б ³⁸ на 4 л.
- 3) ³⁹ Техника безопасности на предприятиях Окриджа и на заводе по производству полония в Дэйтоне, № 822-в ⁴⁰ на 8 л.
- 4) Условия труда и охрана секретности на предприятиях Окриджа, № 822-г ⁴¹ на 9 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 39 л.

1 марта 1949 г.

№ 752/ф

вх. М-17

Вх. № 010

9.III.49

1 л. ⁴²

³¹ И. В. Курчатов в это время был председателем Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР, начальником Лаборатории № 2 АН СССР, научным руководителем комбината № 817 (См.: Атомный проект СССР... С. 654).

³² Рукописное подчеркивание номеров 822-б и 822-в сделано, вероятно, рукой Берии.

³³ Ю. Б. Харитон в это время был научным руководителем КБ-11 и членом Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР (См.: Атомный проект СССР... С. 711).

³⁴ П. Я. Мешик, генерал-лейтенант, в это время был заместителем начальника и членом коллегии Первого главного управления при СМ СССР, отвечал за формирование кадров, обеспечение охраны и режима секретности (См.: Атомный проект СССР... С. 655).

³⁵ Н. С. Сазыкин, генерал-лейтенант, в это время был помощником заместителя председателя СМ СССР Берии (См.: Атомный проект СССР... С. 689).

³⁶ Гриф перечеркнут косым крестом. Вероятно, той же рукой, которой сделана отметка о рассекретивании.

³⁷ Рукописное подчеркивание сделано, вероятно, рукой Берии. После подчеркнутой буквы «а» стоит рукописная «галочка».

³⁸ Рукописное подчеркивание номеров сделано, вероятно, рукой Берии.

³⁹ Номера пунктов «2» и «3» обведены кружком, вероятно, рукой Берии.

⁴⁰ Рукописное подчеркивание номеров сделано, вероятно, рукой Берии.

⁴¹ Рукописное подчеркивание сделано, вероятно, рукой Берии. После подчеркнутой буквы «г» стоит рукописная «галочка». После нее – еще одна «галочка», более крупная по размеру.

⁴² Первый входящий номер – машинопись. Второй вписан от руки. Очень важно установить, какому ведомству принадлежит эта маркировка документа. Обычный в это время порядок

Как видно из текста докладной записки неустановленного лица (вероятно, из ГРУ ГШ), речь идет о материалах отчета Ковалея о своей «командировке» по заданию ГРУ, который он писал по возвращении в СССР начиная с конца октября или начала ноября 1948 г. О том, что это материалы Ковалея, однозначно свидетельствует то, что они содержат данные именно о тех объектах, где он служил (Ок-Ридж и Дейтон), и специально обсуждаются вопросы техники безопасности на этих объектах, которые входили в круг его профессиональных обязанностей – и в Ок-Ридже, и в Дейтоне он был *health physics officer*⁴³. Такая военная специальность отсутствовала в Красной армии, а позже в Советской армии наиболее соответствующей ей стала специальность дозиметриста.

То, что речь идет именно о разведывательной информации, подчеркнуто специальным указанием Берии – все действия с этими материалами необходимо согласовывать с одним из руководителей Комитета информации генерал-лейтенантом П. В. Федотовым.

Это распоряжение выглядит странно. Дело в том, что в это время Комитет информации являлся органом, объединявшим все разведывательные структуры *за исключением ГРУ*, с 1 января 1949 г. выведенного из подчинения комитета. Почему же все мероприятия, связанные с дополнительными разъяснениями и уточнениями информации, должны были производиться через структуры, подчиняющиеся Федотову, т.е. через него лично? Опытнейший аппаратчик Берия лишних людей к серьезным делам не допускал.

Особый интерес представляют рукописные тексты на этих документах. Идентификация авторов этих текстов требует специального графологического анализа и весьма затруднительна в силу малого количества достоверно известных автографов предполагаемых авторов, поэтому пока можно высказать только некоторые предположения, основанные на косвенных обстоятельствах. Тем не менее такой предварительный анализ может дать содержательные с эверетгической точки зрения⁴⁴ результаты и обозначить пути дальнейшей графологической работы.

работы с развединформацией по атомной проблеме состоял в следующем. Первичные материалы по атомной тематике поступали в отдел «С» («Судоплатова») в МГБ, обезличивались там, переводились под руководством Я. П. Терлецкого и А. Н. Рылова и докладывались на научно-техническом совете ПГУ как материалы «Бюро № 2», после чего направлялись заинтересованным специалистам. Подразумевалось, что «Бюро № 2» – одно из научных подразделений советского атомного проекта. Но в данном случае характер информации – структура и функционирование объектов в Ок-Ридже и Дейтоне, а также особенности техники безопасности на атомных объектах США – явно свидетельствовал о разведывательном ее происхождении. Отдел «С» с 1946 г. входил в состав МГБ, министром которого в 1949 г. был В. С. Абакумов, у которого были непростые отношения с Берией. И если бы руководство отдела «С» передало отчет Ковалея Абакумову, то на документах должна была быть его виза о передаче их Берии. Значит, эти документы вряд ли проходили через отдел «С». Это вполне вероятно, поскольку незадолго до этого ГРУ было возвращено в подчинение Генштабу из возглавлявшегося В. М. Молотовым Комитета информации, с 1947 г. объединявшего все разведслужбы СССР. Поэтому отчет ГРУ мог поступить не в «абакумовский» отдел «С» через Комитет информации, а непосредственно в аппарат Специального комитета при СМ СССР, т.е. в аппарат Берии.

⁴³ Walsh. Iowa – Born, Soviet – Trained...

⁴⁴ Обоснования необходимости эверетгического рассмотрения биографии Ковалея даны в работах: *Лебедев. О доблести, о подвиге, о славе...* и *Лебедев. Два выбора...*

Анализ дат на документах показывает, что, поскольку докладная записка из ГРУ с подборкой материалов из отчета Ковалева на 39 листах была направлена Берии 1 марта 1949 г., а весь отчет, по данным Лоты⁴⁵, включал более 100 страниц, из которых и производилась выборка, Коваль закончил составление своего отчета во второй половине февраля 1949 г. Полученные материалы были рассмотрены Берией весьма оперативно, и в пятницу 4 марта 1949 г. он подписал свое распоряжение Первухину и Завенягину. Учитывая последовавшие выходные и праздничный день (8 марта), реакция на это распоряжение также была весьма оперативной – все последующие визы и резолюции имеют дату 9 марта 1949 г.

Из сугубо технических рукописных помет следует указать на рукописный номер листа в правом верхнем углу: «-25-» и обведенную жирным овалом надпись в правом нижнем углу – «см. стр. 26».

Из содержательных помет прежде всего отметим односложную резолюцию «Читал 9. III [автограф]». Автограф похож на подпись Завенягина, образец которого есть на благодарственном письме И.В. Сталину от группы ученых, удостоенных государственных наград после успешного испытания первой советской атомной бомбы⁴⁶. Под этим автографом еще один, который, по моему мнению, весьма схож с автографом Ю.Б. Харитона на том же благодарственном письме. Оба автографа на рассматриваемом документе производят впечатление весьма торопливых и «сокращенных». В автографе Харитона (?) не хватает начальной буквы «Ю», что может объясняться именно его «парафировочным» стилем.

Автографа, схожего с подписью И.В. Курчатова, обнаружить не удалось. Но то, что он был поставлен в известность о распоряжении Берии с поручением ему ознакомиться с этими разведывательными материалами, сомнения не вызывает.

Думается, однако, что ознакомление с документами отчета именно в эти дни начала марта 1949 г. было для Курчатова, скорее, помехой в работе, чем реальной помощью. Дело в том, что как раз в эти дни он был занят подготовкой к пуску первого атомного реактора на природном уране и тяжелой воде (в апреле 1949 г.)⁴⁷. И именно в эти дни требовала особого внимания работа завода № 817, где на реакторе, сравнимом с Ок-Риджским, уже производился плутоний. Волновался же он потому, что «из-за задержки с наработкой необходимого количества плутония установленный постановлением СМ СССР № 234-98сс от 8 февраля 1948 г. срок изготовления первого экземпляра

⁴⁵ Лота. ГРУ и атомная бомба... С. 262.

⁴⁶ Благодарственное письмо награжденных орденами и званиями академиков и ученых специалистов И.В. Сталину за высокую оценку работы в области производства атомной энергии и создания атомного оружия. 18 ноября 1949. Рукопись 29,7×21,9 // Архив Президента РФ. Оп. 53. Д. 301. Л. 36–37 (см. также: <http://new.rusarchives.ru/evants/exhibitions/atom-kat/240.shtml>).

⁴⁷ См. хронология основных событий истории атомной отрасли СССР и России в книге: Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Укрощение ядра: страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров; Саранск: Красный октябрь, 2003 (см. также: https://polar.mephi.ru/ru/projects/ukrosch_ydra/ukrosch_ydra.pdf).

РДС-1 – 1 марта 1949 г. – не был выдержан»⁴⁸. И ликвидация этой задержки требовала не «ознакомления с разведанными», а личного руководства работой на производстве, ведь Курчатов был научным руководителем завода № 817! Да и в «политической атмосфере» вокруг атомного проекта пахло грозой – в январе – марте 1949 г. шла интенсивная подготовка «Всесоюзного совещания физиков», которое было назначено на 21 марта и на котором советская физика должна была быть подвергнута «чистке», аналогичной лысенковской чистке биологии в 1948 г.⁴⁹ И это только некоторые из реальных озабоченностей Курчатова в начале марта 1949 г.

Что же касается представленных на его рассмотрение новых материалов Ковалея, то они не были для Курчатова новостью – он знал ключевые положения этого пакета документов еще с 1945–1946 гг. Полагаю очевидным, что сведения, сообщенные тогда Ковалем о производстве плутония в Ок-Ридже, о роли полония в конструкции атомной бомбы имплозивного типа и технологии его получения, помогли Курчатову сформулировать главные направления советского атомного проекта на начальной стадии – плутониевая имплозивная бомба с инициатором на основе бериллий-полониевого источника нейтронов. Именно они, данные Ковалея, подтвердив материалы Фукса по принципам конструкции бомбы и показав масштабы производства плутония в США, позволили Курчатову построить оптимальную стратегию советского атомного проекта. А это значит, позволили значительно сократить время и силы при создании советской атомной бомбы. А в 1949 г. материалы Ковалея лично для Курчатова были уже материалами историко-научного характера, материалами для мемуаров типа «Былое и думы», но не катализаторами новых идей.

Нужны же они были, скорее, не ему, а уже сформированному на основе решений 1945 г. коллективу инженеров, конструкторов и администраторов для решения конкретных производственных задач. И подтверждает такую трактовку располагающаяся ниже обширная резолюция следующего содержания:

т. Смирнову [?] ⁵⁰ т. Позднякову ⁵¹

Подготовить сравнение приводимых у нас мероприятий с этими данными

а) По техн. безоп.

б) по охране

в) по устройствам

[автограф Первухина (?) ⁵²] 9/III

⁴⁸ Гончаров Г. А., Рябев Л. Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. № 1. С. 101 (см. также: <http://ufn.ru/ru/articles/2001/1/c/references.html>).

⁴⁹ Горелик Г. Е., Кожевников А. Б. Что спасло советскую физику от лысенкования? Диалог // Природа. 1999. № 5. С. 95–105.

⁵⁰ Неустановленное лицо. Может быть, Д. В. Смирнов, который в это время был заместителем заведующего секретариатом заместителя председателя СМ СССР (См.: Атомный проект СССР... С. 694). Если это предположение верно и Смирнов был одним из сотрудников секретариата Берии, то обращение к нему Первухина оправдано тем, что Смирнов мог знать круг специалистов по охране труда и технике безопасности.

⁵¹ Б. С. Поздняков в это время был ученым секретарем Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР. Фамилия подчеркнута рукой автора резолюции.

⁵² Предположение основано на сравнении автографа с автографом Первухина на благодарственном письме Сталину.

В левом нижнем углу еще один автограф с датой 9.III.49. Можно предположить, что это автограф Б.Л. Ванникова⁵³, как бы визирующий резолюцию Первухина.

Автографа Завенягина обнаружить не удалось. Поскольку он лично хорошо знаком с вопросами строительства атомных объектов, отвечает за это в ПГУ, очевидно, что он должен сам провести анализ материалов 822-а и 822-б по заводам в Ок-Ридже и Дейтоне для доклада Берии и ему не нужно отдавать каких-то распоряжений. Вероятно, поэтому он не фиксирует письменно свое знакомство с поручением Берии.

В другом положении находится первый адресат поручения Берии – министр химической промышленности Первухин. В это время он фактически исполняет функции начальника ПГУ, курирует все действующие и строящиеся промышленные объекты атомного проекта и с этой точки зрения должен «любой ценой» обеспечить успех близившегося первого испытания атомной бомбы. Очевидно, что вопросы охраны труда и техники безопасности не были главными приоритетами в его работе. Но этим вопросам посвящена значительная часть представленных Берией материалов Коваля (8 листов материала 822-в и 9 листов материала 822-г).

Можно предположить, что возникшая необходимость вникнуть во «второстепенные» на тот момент для Первухина вопросы вместе с нацеленностью на решение главных породила своеобразный когнитивный диссонанс, разрешившийся консонансом – решением использовать анализ вопросов техники безопасности для разбора технических, конструкторских и производственных задач, в которых эти вопросы возникли как у американских, так и у наших специалистов. И сравнить результаты их решений. Иными словами, пройти причинно-следственную цепочку инженерных решений «в обратном порядке», используя как индикатор именно вопросы охраны труда и техники безопасности – в них порой отражаются такие важные детали технологии и конструкторских решений, которые не видны при «прямом анализе». Да и сами по себе вопросы охраны труда и техники безопасности важны! А у нас, насколько мне известно, в отличие от американцев, им в это время уделялось значительно меньшее внимание.

Такой консонанс позволял и качественно выполнить поручение Берии, и полезно использовать «второстепенную» информацию разведки для выполнения главной задачи. Я не уверен, что Первухин в напряженной атмосфере последних месяцев перед испытанием первой советской атомной бомбы именно так мотивировал – даже для себя! – свое мнение при написании резолюции, но такой ход мысли очевидно соответствует принятому им решению.

Вероятно, именно поэтому Первухин считал необходимым выделить вопросы техники безопасности для отдельного обсуждения. Но с кем проводить это обсуждение? Прежде всего нужно было определить круг авторитетных специалистов.

Как и всякая начальственная резолюция, эта резолюция Первухина предполагала, что упомянутые в ней исполнители компетентны в рассматриваемом

⁵³ Похож на автограф в «Благодарственном письме награжденных орденами...».

вопросе, а потому кратка и лапидарна. То, что подготовка сравнения мероприятий в США и СССР по кругу вопросов техники безопасности, «охраны» (вероятно, в данном случае имелась в виду только «охрана труда», поскольку охраной секретности при анализе представленных материалов должны были заниматься П. Я. Мешик и Н. С. Сазыкин) и «устройств» (т.е. технических средств защиты персонала) поручена ученому секретарю НТС ПГУ Б. С. Позднякову (его фамилия выделена подчеркиванием), свидетельствует о том, что Первухин, вероятно, не был лично знаком с ведущими специалистами по этим темам и не имел времени заниматься их поиском. Первухин логично предполагал, что опытный администратор Поздняков совместно с администратором из аппарата Совмина Смирновым найдет этих специалистов и даст им задания. А уж анализ результатов сравнения должен сделать сам Первухин и доложить результаты Берии.

Ниже резолюции Первухина еще одна запись-справка неустановленного лица:

«Г», «а», «б», «в» = у нас
[Автограф ВКа??]

Она может означать, что 9 марта 1949 г. все материалы (822-а, б, в, г) находились в одном месте, а именно в секретариате Первухина.

Справа от него служебная отметка: $\frac{\text{Вх.№010}}{9. \text{III.} 49}$

1л.

Лист 2 является схемой административного устройства «Клинтонских лабораторий» объекта X-10 – комбината по производству плутония. Именно там и служил в 1944–1945 гг. сержант американской армии *G. Koval*.

Содержательный анализ текста документов

Проведенный анализ текстов и автографов позволяет построить версию хода событий после получения Берией 1 марта 1949 г. отчета Ковалея. Версия исходит из конкретных обстоятельств, в которых находился Берия в начале марта 1949 г., и строит эвереттические ветвления действительности, исходя из наиболее вероятных с сегодняшней точки зрения исходах событий и психологических характеристик их главных участников. Основы методологии такого подхода применительно к данной теме изложены в монографии о вербовке Ковалея⁵⁴.

Важнейшим внешним обстоятельством, повлиявшим на поведение ключевых в этой ситуации фигур, Берии и Курчатова было то, что именно с 1 марта 1949 г. они должны были быть готовыми к объяснению с «высшим руководством» по поводу срыва сроков выполнения постановления Совета Министров СССР № 234-98сс от 8 февраля 1948 г. *об изготовлении первой атомной бомбы РДС-1 к 1 марта 1949 г.* Конечно, Берия знал о готовившем-

⁵⁴ Лебедев. Два выбора... С. 3.

сы обсуждения этого постановления на заседании совета. И, очевидно, очень его боялся. Ведь чем грозит невыполнение *такого* постановления, Лаврентий Павлович знал не понаслышке. Вот эпизод, рассказанный Я. П. Терлецким:

Оказывается, после взрыва атомной бомбы в Хиросиме Сталин устроил грандиозный разнос, он впервые за время войны вышел из себя, стучал кулаками, топал ногами. Право, было от чего выйти из себя. Ведь рушилась мечта о распространении социалистической революции на всю Европу, мечта, казавшаяся столь близко осуществимой после капитуляции Германии и как бы перечеркнутая «нерадивостью» наших атомщиков во главе с Курчатовым. Видимо, отводя удар от себя, Курчатов пожаловался, что поступавшие в течение ряда лет материалы не очень доступны ученым, а лишь эти материалы позволили бы нам наверстать упущенное в начальный период войны и начать овладение атомной проблемой не с нуля. Действительно, в целях сохранения тайны агентуры эти материалы показывались очень узкому кругу ученых, возможно, даже только Курчатову, да и к тому же они были на английском языке, а наши ученые владели английским далеко не в совершенстве. Вот и был придуман Отдел С как посредник между агентурными материалами и руководящими атомной проблемой учеными. Создан он был в пожарном порядке, и следил за этим сам Сталин ⁵⁵.

Этот эпизод, рассказанный Терлецким явно с чьих-то слов, вызывает некоторые сомнения в части подробностей – например, мог ли сухорукий Сталин даже в минуты самого большого гнева стучать кулаком, присутствовал ли при этом Курчатов и т.п. Но то, что о жалобе Курчатова на разведку сообщает именно Терлецкий, весьма важно, поскольку именно он знал о взаимоотношениях ГРУ и Курчатова из личного опыта своей работы в отделе «С» ГРУ.

По сути же рассказ Терлецкого является еще одним свидетельством серьезности ответственности за срыв сроков выполнения заданий Сталина и понимания Берией степени своей личной ответственности. Вот что пишет об этом Б. В. Соколов:

Заместитель наркома вооружений В. Н. Новиков вспоминал, как во время войны решался вопрос о том, за какой срок можно вдвое увеличить ежедневное производство винтовок на Ижевском заводе. Хотя Сталин требовал уложиться в три месяца, и к этому склонялись большинство членов госплановской комиссии, Берия в конце концов прислушался к мнению специалиста – Новикова и поставил указанный им реальный срок – семь месяцев, хотя это явно не обрадовало Сталина. Новиков объяснил подобное решение тем, что гораздо хуже было не пойти против сталинского мнения, а обмануть Иосифа Виссарионовича. Если потом окажется, что потребовалось не три месяца на увеличение производства, а семь месяцев, виновные в обмане могли не сносить головы. А за атомный проект Сталин спрашивал строже, чем за любой другой... Уж он-то (Берия.– Ю. Л.) отлично сознавал, что в случае, если «изделие» не взорвется, академиком, наверное, арестуют и распахают по «шарашкам», а его, Берию,

⁵⁵ Терлецкий Я. П. Операция «Допрос Нильса Бора» // ВИЕТ. 1994. № 2. С. 21–44.

уж точно объявят американским шпионом и расстреляют за то, что сорвал выполнение такого задания, от которого в буквальном смысле слова зависит жизнь и смерть коммунистической власти⁵⁶.

Заседание СМ СССР по вопросу о сроках готовности атомных бомб различных модификаций состоялось 3 марта 1949 г. Судя по тому, что в эти дни Сталин был занят приемом делегации КНДР во главе с Ким Ир Сенем, он вряд ли лично присутствовал на нем. И вполне вероятно, что проводил его сам Берия как заместитель председателя СМ СССР. Подтверждением этого служит тот факт, что 3 и 4 марта Сталин даже не работал в своем кабинете (в журнале посетителей за эти дни отсутствуют записи). Это может объяснить тот удивительный факт, что в принятом постановлении СМ СССР № 864-328сс/оп⁵⁷ подробно регламентируются новые сроки готовности изделий РДС-2 и РДС-3, а по поводу РДС-1 сказано вскользь – «наряду с работой по РДС-1». Можно предположить, что конкретика нового срока готовности РДС-1 вообще не обсуждалась. Создается впечатление, что докладчики – Харитон, Зернов и Курчатов – как-то «обошли» этот вопрос. Вполне вероятно, что сослались на некоторые секретные технические детали, обсуждение которых на заседании Совета Министров нецелесообразно. И на заседании Берия мог это объяснение принять. Но истинные причины неопределенности ясны из следующего:

15 апреля 1949 г. Ю.Б. Харитон и К.И. Щелкин подписали «Краткий доклад о состоянии работ КБ-11». В документе, адресованном Л.П. Берия, они указали: силами КБ-11 и привлеченных организаций «*решены все принципиальные и конструктивные вопросы, возникшие во время разработки*» (курсив в оригинале.– Ю. Л.) РДС-1. По-прежнему не до конца решенными оставались задачи определения критической массы плутония (из-за отсутствия этого материала в нужном количестве) и изготовления полоний-бериллиевого нейтронного запала (из-за отсутствия полония)⁵⁸.

То, что в отсутствие Сталина на заседании СМ СССР удалось избежать неприятных объяснений, конечно же, не успокаивало Лаврентия Павловича. Более того, он понимал, что чем дольше будет длиться пауза, тем суровее будет разбирательство. И в случае значительной затяжки готовности бомбы и «разбора полетов» в «хозяйстве» Берии уже лично Сталиным он учтет переданное ему мнение Курчатова (а возможно, и сам услышит его – Сталин мог заслушать Курчатова при подготовке к «разбору» и лично) о том, что срыв сроков готовности бомбы в какой-то мере обусловлен недостаточно эффективной работой разведки. И потому Берия должен был принять меры, исключая возможность такой трактовки срыва сроков испытания, поскольку в конечном итоге и за разведку, и за соблюдение этих сроков отвечал перед Сталиным лично.

⁵⁶ Соколов Б.В. Берия. Судьба всесильного наркома. М.: АСТ, 2008. С. 56 (см. также: <http://fictionbook.in/boris-sokolov-beriya-sudba-vsesilnogo-narkoma.html>).

⁵⁷ Атомный проект СССР: документы и материалы... Т. 2. Кн. 1. С. 510–511.

⁵⁸ Медведев А. Н. К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // Двигатель. 2010. № 1 (67). С. 42–45 (см. также: <http://engine.aviaport.ru/issues/67/page42.html>).

И это проясняет некоторые особенности содержания рассматриваемых документов. Берия начинает аппаратную интригу против Курчатова, но не с целью «убрать» его, а только чтобы переложить на его плечи бóльший груз ответственности за срыв сроков. Берия понимал, что у Сталина нет возможности заменить Курчатова в этой ситуации (бомба была «почти готова», а коней на переправе не меняют), но отвести от себя неизбежное раздражение вождя и направить его на Курчатова или кого-то другого из руководителей атомного проекта он, конечно, хотел и мог попытаться это сделать.

И первым шагом в этой интриге представляется тот факт, что отчет Коваля, из которого очевидно, какие первоклассные материалы разведка представляет ученым, распространяется Берией среди всей руководящей верхушки советского атомного проекта и даже доводится до сведения генерал-лейтенанта Федотова, по сути не имеющего отношения к атомному проекту, но формально возглавляющего советскую разведку. В это время он – первый заместитель председателя Комитета информации при МИД СССР, но именно в день подписания Берией своего распоряжения – 4 марта 1949 г. – Федотов выполняет функции председателя: В. М. Молотов освобожден от должности, а А. Я. Вышинский или Я. А. Малик еще не приступили к новым обязанностям. Этим и объясняется отмеченная выше странная адресация в распоряжении Берии.

Такая широкая адресация должна была быть и скрытым предупреждением Курчатovu. Явно угрожать или давить на Курчатова в тот момент Лаврентий Павлович не хотел и не мог – в обстоятельствах весны 1949 г. в интересах дела и личных интересах Берии Курчатov должен был быть огражден от любых негативных воздействий, отвлекающих его от работы над бомбой. Но тем не менее для Берии было важным, чтобы Курчатov не забывал, насколько важными для проекта были материалы Коваля 1945–1946 годов, и понимал, что теперь, после оглашения «в узком кругу» материалов отчета Коваля, о значении этих материалов для развертывания атомного проекта могут догадаться и некоторые другие «атомные генералы». Так что винить в чем-то разведку в случае возможных разбирательств «наверху» Курчатovu было бы просто глупо – это означало бы признание собственной недалекости при экспертизе разведматериалов⁵⁹. А другие руководители подразделений атомного проекта,

⁵⁹ Терлецкий, как известно, ездил к Бору по заданию Берии с целью получения сведений об американской атомной бомбе. Пока не опубликованы все архивные материалы, мы не знаем, какие вопросы задавал Курчатov через Терлецкого Бору. Но что же существенного мог рассказать Бор, исходя из собственного опыта работы в Лос-Аламосе? Как считают А. В. Андреев и А. Б. Кожевников, «трудно сказать точно, насколько Бор был посвящен в технические детали проекта. Считается, что не очень глубоко. Он был в Лос-Аламосе несколько раз, но понемногу способствовал общему моральному климату, участвовал в дискуссиях. По словам Оппенгеймера, его единственным конкретным вкладом была помощь в работе над инициатором (небольшой источник нейтронов, дающий старт цепной реакции)» (*Терлецкий. Операция «Допрос Нильса Бора»*... С. 44). И именно информация о нейтронном инициаторе, принципе его работы и конструкции – одна из важнейших в отчете Коваля. То, о чем мог рассказать, но умолчал Бор в ноябре 1945 г. в беседе с Терлецким, сообщил в Москву (в конечном счете лично Курчатovu!) в декабре 1945 г. Коваль! Удивительна эвереттская синхроничность этих двух событий – поездки Терлецкого и донесения Коваля.

ранее не знакомые с объемом и ценностью материалов отдела «С», на примере этого отчета могли увидеть масштаб и значимость материалов разведки.

А какую роль отводил Берия в этой аппаратной интриге генералам Сазонову и Мешкину? Первый был его помощником, и, если бы у Берии не было на него каких-то особых «видов», он мог просто показать ему отчет Ковалю и получить интересовавшие его комментарии в рабочем порядке, не обременяя ни себя, ни Сазонова письменным распоряжением. Вероятно, такие показ и беседа и произошли в период с 1 по 4 марта. И здесь генерал Сазонов, опытный бюрократ, бывший «в теме» атомных вопросов уже много лет (работал заместителем Судоплатова в отделе «С» с 27 сентября 1945 по 28 марта 1947 г.), мог вспомнить, что материалы по полонию и объекту в Дейтоне были получены от агента Дельмара в отделе «С» еще в декабре 1945 и феврале 1946 г.⁶⁰ Вполне вероятно, что эти материалы, адресованные из ГРУ на имя Судоплатова, прошли именно через него. И, разумеется, они были переданы Курчатову.

Я думаю, что эта информация от Сазонова вызвала желание Берии поближе познакомиться с источником столь важной для атомного проекта информации. И полагаю, что Берия вызвал Дельмара-Ковалю для личной беседы.

В преддверии встречи с Ковалем или в ходе нее у Берии, вероятно, появился план еще одного мероприятия. Возникшая тогда «симпатия» Берии к Ковалю только укрепила его в целесообразности и вероятной успешности задуманного.

Коваль отчетливо понимал, что его опыт будет весьма полезен в советском атомном проекте и был готов (более того, думаю, что внутренне настроен!) продолжить работу на каком-то советском атомном объекте. Но работать он хотел в качестве технического специалиста. А у Берии, думаю, были другие планы его использования. Конечно, вокруг Курчатова уже были «люди Берии», но они выполняли главным образом функции «ушей Берии» и вряд ли могли эффективно выполнять функции «мозгов», особенно в качестве контрразведчиков. А именно эта категория спецслужб по мере приближения СССР к статусу ядерной державы становилась все более актуальной. Квалификация разведчика и длительная профессиональная техническая работа «на той стороне» делали Ковалю почти идеальным кандидатом на роль руководителя потенциального «атомного Смерша»⁶¹. На собственном опыте он знал, что может интересовать «атомного» разведчика, какие методы наиболее эффективны в этой работе, где могут быть «щели» для утечки технической информации.

В том, что Коваль согласится на сотрудничество с ним, Берия, конечно, не сомневался. Но как убедить Курчатова в необходимости принять Ковалю в свою команду? Если предложить Курчатову кандидатуру Ковалю прямо, он наверняка будет считать это попыткой внедрения к нему «засланного казачка».

⁶⁰ Лота. ГРУ и атомная бомба... С. 256.

⁶¹ Если о советской атомной разведке в последнее время мы пусть ничтожно мало, но все-таки узнали что-то содержательное, то об атомной контрразведке в советском атомном проекте мы не знаем практически ничего. И взятое в кавычки выражение «атомный Смерш» является только образом, порожденным моей фантазией. Тема «советская контрразведка в атомном проекте» пока табуирована очень жестко и, конечно, еще ждет своего исследователя.

Да это было и невозможным даже для Берии – введение в проект американца (а Коваль и по анкетным данным, и по сути с точки зрения кадровиков был именно американцем) требовало предварительного личного одобрения Сталина⁶². Вот почему по замыслу Берии Курчатов должен был сам попросить направить Ковалья в свое распоряжение. И произойти это должно было после его личного знакомства с квалификацией Жоржа Абрамовича. Но по правилам конспирации организовать прямую личную встречу Ковалья и Курчатова было нельзя. И возникла идея конспиративной встречи.

Генерал Сазонов (а не Берия!) должен был после официального ознакомления с материалами отчета Ковалья выдвинуть инициативу проверки достоверности рассматриваемых материалов по правилам разведки. (Вот для чего нужно было упомянуть его в распоряжении Берии!) Нужно было убедить в том, что источник информации действительно компетентен в излагаемых вопросах и составил свой отчет именно на основании личного опыта, а не излагает чью-то чужую информацию. В части, касающейся технологических вопросов, в этом могли разобраться только Курчатов и Харитон. И поэтому предлагалось устроить живую беседу Ковалья и проверяющих по правилам конспирации, используемым в разведке.

Технически такую беседу должен был организовать генерал Мешик – он был специалистом по секретности. Вот почему и его фамилия попала в распоряжение Берии от 4 марта.

*Е. С. Дмитриев во время интервью,
15 октября 2013 г.*

⁶² Берия уже имел негативный опыт попытки введения в проект американского ученого российского происхождения Г.Н. Антонова в 1945 г. Антонов в это время был заведующим кафедрой физической химии Фордемского университета (Нью-Йорк, США). По характеристике Берии в письме Сталину от 12 декабря 1945 г. Антонов был «продолжателем работ профессоров Менделеева и Коновалова [...] В 1914 году защитил диссертацию на тему “Продукты дезинтеграции урана”» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 94). Известно, что он работал по теме радиоактивности у самого Резерфорда, в 1911 г. открыл радиоизотоп уран-У (²³¹Th), в годы Первой мировой войны читал в Петроградском университете курс лекций по радиоактивным веществам, в январе 1917 г. (еще до революции и потому никак не мог быть причастным к борьбе против большевиков!) покинул Россию, но в 1945 г. просил у Сталина «разрешить мне вернуться на Родину и принять участие в воссоздании всего того, что разрушила эта война, кончившаяся столь блестяще благодаря Вашему лидерству» (Письмо Г.Н. Антонова И.В. Сталину от 15 сентября 1945 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 97). По свидетельству самого Берии «компрометирующих данных на АНТОНОВА не имеем» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 94). Но Сталин отказал – даже несмотря на весьма вероятное (архивный экземпляр письма Сталину Берией не подписан) покровительство самого Берии! Сталин американцам, претендующим на работу над бомбой непосредственно в нашем атомном проекте, не доверял.

По замыслу Берии, в ходе этой беседы Курчатов должен был убедиться в ценности Ковалева как специалиста в технологических вопросах производства делящихся материалов для бомбы и осознать необходимость его работы где-то в своей системе.

Все изложенное относительно замысла Берии и событий марта 1949 г. можно было бы считать очередной конспирологической легендой атомного проекта, если бы мне не посчастливилось в ходе работы по сбору воспоминаний о Ковалева взять несколько интервью у Евгения Сергеевича Дмитриева, инженера кафедры общей химической технологии РХТУ им. Д.И. Менделеева. Я знаком с Евгением Сергеевичем с 70-х гг. прошлого века и знаю его как человека ответственного и не склонного к мистификациям. Он работал с Жоржем Абрамовичем под его непосредственным руководством с 1966 по 1985 г.

Вот завизированные Евгением Сергеевичем отрывки из этих интервью:

15 октября 2013 г.

Е. Д.: ...так случилось, что у меня есть информация из надежного источника о некоторых деталях того, как и кому была передана информация от Ковалева после его возвращения. Лаврентий Павлович поставил процесс передачи информации без рассекречивания источника вполне грамотно. Дело происходило примерно так. В одной комнате сидел Жорж, а в другой, за стенкой, Курчатов, Харитон и другие, кто двигал наш атомный проект. Всего шесть человек. И вот кто-то из шестерки писал на бумажке вопрос: «Как там у них сделано то-то и то-то?» И специальный товарищ-посыльный брал эту бумажку и относил Жоржу. Жорж писал ответ. Так и работали целый день... И не один день!⁶³

3 июля 2014 г.

Ю. Л.: В февралье месяце совершенно случайно обнаружили документы, которые Крамиш прислал Жоржу. Майя Коваль – внучка Жоржа – перебирала его книги в домашней библиотеке, и из одной книги выпали два листочка. Вот один из них. Посмотри! (предъявлены упомянутые выше ксерокопии.– Ю. Л.)

Е. Д.: Ничего себе!

Ю. Л.: Да! Из этих документов следует, что лично «товарищ Берия» дает указания «товарищам Курчатову, Харитону»...

Е. Д.: И Первухину!

Ю. Л.: ...разобраться с информацией по вопросам, которые излагались в отчете Жоржа. Значит, информация от Жоржа не просто дошла до «высшего руководства», но Берия, исходя из ее важности, счел нужным организовать контакт «источника» с руководителями советского атомного проекта. И это подтверждает то, что ты рассказывал мне при нашей первой встрече о ходе этих контактов Жоржа и Курчатова!

Е. Д.: Ты знаешь, кто мне это рассказал?

⁶³ Уточнение Евгения Сергеевича от 3 ноября 2013 г.: «Разумеется, я не могу утверждать достоверно, как очевидец, что так оно и было. Такие вещи нужно проверять и уточнять. Но считаю, что нужно зафиксировать все воспоминания, все, что слышал. И мое воспоминание об этом эпизоде не «подставляет» никого из ныне живущих. А историки пусть проверяют достоверность того, что я слышал...».

Ю. Л.: Именно к этому я и веду. Думаю, что теперь можно огласить источник твоей информации.

Е. Д.: Это сказал Васильев Дмитрий Павлович. Генерал ГРУ. Он уже умер... Я хорошо знаю его сына – Сергея Дмитриевича. Он «киношник». А Дмитрий Павлович работал во время войны в Нью-Йорке, через него шли поставки по ленд-лизу через «Севморпуть» и авиацией через Аляску... И он мне сказал, что Берия соблюдал такую секретность, что это наверняка было так, как я тебе рассказывал. И что и в американской разведке тоже сохраняли инкогнито информаторов примерно так же... Бегал курьер с этажа на этаж...

Ю. Л.: Еще раз вспомни, что он тебе сказал?

Е. Д.: Берия очень боялся, что кого-то из «Курчатовского проекта» выкрадут и он может что-то раскрыть. А потому «меньше знаешь – лучше спишь!». Поэтому он не показывал Жоржа ни Курчатову, ни Харитону. Ведь американцы по своим каналам знали, что Жорж жив, наверняка над ним висел смертный приговор за его дела.

Ю. Л.: И у Берии было предположение, что Жорж является для американцев врагом номер один?

Е. Д.: Совершенно верно! И наверняка американцы хотели его ликвидировать, но просто физически не могли этого сделать... А Берия как человек умный и хитрый препятствовал распространению *любой* информации о Жорже...⁶⁴

Ю. Л.: А откуда, как ты думаешь, Васильеву было известно что-то о Жорже? Он ведь был «по ленд-лизу»?

Е. Д.: По возвращении из Америки Васильев достиг очень высокого положения. Все-таки, генерал ГРУ – это не рядовой... Но чем конкретно он занимался, я, конечно, не знаю.

Ю. Л.: А ты почему стал задавать вопросы о Жорже?

Е. Д.: Это было года за два до кончины Дмитрия Павловича. Я, узнав в разговоре с Сергеем, что его отец во время войны был в Америке, рассказал ему о Жорже. И он передал это отцу. Мы встретились с ним...

Ю. Л.: Когда, где?

Е. Д.: Это было летом. Дмитрий Павлович уже очень плохо видел, и Сергей его водил. Мы встретились в скверике возле Высшей партийной школы и постояли, разговаривая, минут двадцать...

Ю. Л.: А когда умер Дмитрий Павлович?

Е. Д.: Где-то году в 2007-м...

Ю. Л.: Значит, это было после 2002 г., когда из публикаций Лоты стало известно о Жорже как о разведчике. Во всяком случае факт того, что Жорж работал в ГРУ, уже не был секретом. Это объясняет откровенность Дмитрия Павловича. Ведь сведения, которые сообщил тебе Дмитрий Павлович, только дополняют Лоту после раскрытия главной тайны ГРУ: Жорж Коваль – атомный разведчик ГРУ.

⁶⁴ В связи с высказанным ранее предположением о желании внедрить Ковалья в окружение Курчатова избранная Берией форма знакомства может иметь и особый смысл оперативной игры с Курчатовым – «ловли на живца». Если Курчатов заинтересуется информатором, их можно будет свести лично для развития этой игры. Если нет – Коваль остается неперсонифицированным «агентом Дельмаром» в соответствии с правилами конспирации, принятыми в разведке.

Подчеркну, что информация о конспиративной встрече Курчатова и Коваля была получена мною до обнаружения документов с распоряжением Берии и рассказа Е. С. Дмитриева полностью соответствует предложенной трактовке событий марта 1949 г., произошедших в связи с реакцией Берии на отчет Коваля ⁶⁵.

Как бы то ни было, Курчатов не попросил направить в его распоряжение автора документов, проанализировать которые распорядился Берия. Причин этого может быть много, но мне кажется, что главными были две.

Первая – в 1949 г. содержащиеся в отчете дополнения к полученной ранее от Коваля информации о технологиях получения плутония и полония в 1945–1946 гг. в США была для Курчатова не актуальной. Реактор в Челябинске уже почти наработал нужное для первой бомбы количество плутония, а лаборатория А. Я. Апина в КБ-11 уже создала нейтронный запал для нее. И в основе и того, и другого успехов, безусловно, была немалая заслуга Коваля, но только *в основе*, сейчас же, накануне решающего испытания, специалист в американских технологиях пятилетней давности мог внести только ненужную нервозность в и так накаленную атмосферу практической подготовки первого советского атомного взрыва.

Вторая – Курчатов, вероятно, понял игру Берии и не захотел иметь при себе «засланного казачка». Тем самым он спас Жоржа Абрамовича от исполнения весьма неблагоприятной (хотя, действительно, «производственно-необходимой» в атомном проекте!) роли соглядатая, которая, осуществившись замысел Берии, почти наверняка привела бы к трагическим последствиям для Коваля. Зная его лично много лет, я берусь утверждать – не был он из породы «педелей» ⁶⁶, и исполнение этой навязанной ему чуждой роли закончилось бы для него или лагерем (немедленно в случае отказа от сотрудничества с Берией или недобросовестного исполнения этих обязанностей), или моральными мучениями на всю оставшуюся жизнь.

⁶⁵ Есть и еще один, «конспирологический», вариант трактовки причин «внутреннего раскрытия» Берией в 1949 г. наличия хорошо осведомленного в Манхэттенском проекте советского агента. Раскрытия, разумеется, только для узкого круга причастных к созданию атомной бомбы высших руководителей госаппарата, разведки и научного комплекса советского атомного проекта. Этот вариант трактовки профессиональной работы Коваля я слышал от нескольких хорошо информированных источников. Кратко он может быть выражен словами Е. Б. Шиховцева, с которым мы обсуждали эту тему: «Не был ли Коваль фигурой прикрытия, рассекречивание коей должно было прикрыть некоего настоящего суперагента? Это ведь тоже классика дезинформации» (электронное письмо Е. Б. Шиховцева Ю. А. Лебедеву от 3 сентября 2016 г.). Наличие такого суперагента в лице самого Р. Оппенгеймера, Г. Гопкинса или кого-то еще обсуждается в исторической литературе, но пока не является хорошо обоснованным. Публикуемый в настоящей статье документ дает дополнительные аргументы в пользу этой версии, но она требует дальнейших уточнения и проверки.

⁶⁶ Приведу такой случай, очевидцем которого я был лично. На кафедре общей химической технологии в МХТИ им. Д. И. Менделеева в начале 1970-х гг. ввели правило – каждый сотрудник должен записывать в специальный журнал время своего прихода и ухода. Руководители курсов должны были контролировать выполнение этого правила и докладывать руководству результаты своего контроля. Разумеется, это правило нарушалось ежедневно – сотрудники вели себя привычным образом, но записывали в журнал то, что требовалось. Жорж Абрамович, руководитель курса «Автоматизация химических производств», реагировал на это тоже соответственно – распекал нерадивых, поощрял дисциплинированных вне зависимости от записей в журнале. Следить за своими подчиненными с часами в руках было просто противно его натуре.

Тем не менее Коваль выдержал «экзамен» специалистов и тем самым укрепил позиции Берии в случае возможного конфликта с Курчатовым в ходе разбора причин срыва сроков готовности бомбы. И он не был виноват в провале попытки внедрения «своего человека» в ближнее окружение Курчатова и Харитона. Это Берия понимал и не должен был из-за этого как-то ограничивать варианты использования Ковалья как специалиста. Но что он мог сделать? В структуры его спецпроекта Коваль не попал, и было ясно, что и в ГРУ ему тоже не было места. В это время (1948) из ГРУ «по пятому пункту» среди многих других сотрудников был уволен даже такой ас атомной разведки, как Артур Адамс. Так что Коваль там в это время был явно не ко двору.

И после отчета перед руководителями атомного проекта он оказался ненужным никому из заказчиков его восьмилетней работы в США! Пожалуй, только Берия мог иметь в виду этого «Дельмара» как потенциально полезного для себя человека. Но только потенциально, не сейчас. Идея «атомного Смерша» должна была стать актуальной после того, как обескураженные успехом СССР в создании атомного оружия американцы бросятся ликвидировать свой провал в области агентурной разведки советского атомного проекта. А пока на этом фронте было полное затишье.

Реальными же ведомствами, которые могли заинтересоваться Ковалем как «американским евреем, проникшем в советскую разведку», были только МВД и МГБ. Но этот интерес был для него смертельно опасен! Берия это понимал и отблагодарил Ковалья весьма щедро – сумел организовать его увольнение из ГРУ таким образом, чтобы максимально обезопасить его от внимания со стороны «органов» – МВД (министр С. Н. Круглов) и МГБ (министр В. С. Абакумов).

Даже для Берии это оказалось непросто. Его отношения с тогдашними министрами МВД и МГБ были сложными. Оба были когда-то его подчиненными и соратниками, но в 1949 г. оба вели самостоятельную игру и в ней противостояли Берии. И как противники были настолько сильны, что с ними приходилось считаться даже ему⁶⁷.

Тем не менее ему удалось устроить увольнение Ковалья из ГРУ в звании рядового и без наград, как не проявившего себя ни в каких сражениях, что значительно снижало интерес к нему – с точки зрения «органов» Коваль становился «мелкой рыбешкой». Правда, через четыре года сеть, с помощью которой эти «органы» проводили чистку, стала настолько «мелкоячейистой», что спастись от

⁶⁷ Вот яркий пример, подтверждающий это. 14 апреля 1948 г. помощник Берии Н. С. Сазыкин получил письмо генерала МГБ А. Н. Бабкина, в котором на основании анкетных данных (!) Я. Б. Зельдовича (родители его матери живут в Париже, а сестра отца в 1936 г. арестована) и О. И. Лейпунского (имеет в Америке родных отца, а его брат арестован органами НКВД) генерал просил «поручить еще раз проверить эти материалы и решить, не была ли допущена ошибка в части разрешения привлеченных к специальным работам указанных лиц» (*Горобец Б. С. Ядерный реванш Советского Союза. Судьбы Героев, дважды Героев, трижды Героев атомной эпопеи. М.: Красанд, 2014, С. 67*). И Берия (!) не находит более эффективного способа спасти ближайших соратников Курчатова, чем спрятать их на Семипалатинском полигоне и через полгода дать через Сазонова Бабкину расплывчато-бюрократический ответ. Как справедливо оценивает этот случай Горобец, «Берия, скорее всего, не хотел “засвечиваться” в политическом смысле в пиковый период травли космополитов, проводившейся по инициативе Сталина» (Там же. С. 68).

нее «космополиту» Ковалю стало уже почти невозможно, о чем и свидетельствует описанная ниже история с его письмом о «трудоустройстве» в 1953 г.

На этом анализ событий, произошедших в жизни Коваля в марте 1949 г. и вызванных реакцией Берии на его отчет, можно пока закончить. Другие аспекты и ветви событий, вызванных резолюцией Берии на сопроводительном письме к отчету Коваля, должны стать предметом отдельного рассмотрения.

Июль 1949 г.

Конечно, выходя в начале июля 1949 г. из какого-то спецотдела ГРУ с новеньким солдатским военным билетом «на гражданку» в звании рядового без заслуг и почти без гроша в кармане, Жорж Абрамович должен был испытывать сложные чувства. Прежде всего он был рад тому, что, наконец, снова свободен! Свободен от гнетущего пресса двойной жизни, бдительного надзора начальства, от обязанности отчитываться за каждый свой шаг и, как это ни странно в его возрасте (36 лет!), свободен выбирать дальнейший жизненный путь – углубиться ли в любимую электротехнику (в кармане – свежий диплом с отличием от 1 февраля 1948 г. Нью-Йоркского городского колледжа со званием бакалавра в области электротехники⁶⁸ или вернуться в химию, где он уже успел стать аспирантом девять лет назад.

Рад он был и тому, что его Мила дождалась и по-прежнему любит его, что в биробиджанском колхозе имени XVIII партсъезда живы отец и мать, а старший брат одарил его расцветшими за годы его отсутствия тремя очаровательными племянницами и только что (как раз в период его «экзамена» у Берии!) крепышом-племянником, нянча которого месяц тому назад, он говорил брату, что, мол, конечно, парень хорош, вырастет – будет старшим в следующем поколении Ковалей!

Радовался, что Москва по-прежнему красива (он любит Кремлем каждый день, идя к себе домой по Большой Ордынке), что в «Спартаке» появились такие замечательные молодые ребята, как Игорь Нетто и Никита Симонян... Да многому чему еще он был рад летом 1949 г.!

Но... было очень обидно, что тот опыт, который он копил, работая в Ок-Ридже и Дейтоне, опыт, совершенствование которого придавало в его собственных глазах смысл всей работе в Америке, оказался никому не нужным здесь, в СССР. Не зная всех нюансов своего увольнения и не представляя себе истинного места добытой им информации в иерархии этапов атомного проекта, он чувствовал обиду на то, что результаты его работы были оценены столь низко. Ему казалось, что они никому ни в чем не помогли и никому не нужны. И очень настораживало и угнетало то, что в газетах, по радио и даже в его «конторе» он явственно ощущал удушливый запах антисемитизма, тот запах, во многом из-за которого 17 лет назад семейство Ковалей покинуло Америку. Нет, он не считал, что здесь это надолго, ведь он помнил свои студенческие годы с их духом интернационализма, а потому надеялся, что эта социальная зараза здесь надолго не приживется.

⁶⁸ Walsh. Iowa – Born, Soviet – Trained...

Март 1953 г.

Прошло четыре года. Жорж Абрамович окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и старался забыть свои обиды лета 1949 г. на Берия и на ГРУ. Но тот удушливый запах антисемитизма, которым встретила его страна после возвращения из американской «командировки», за это время не только не рассеялся, но еще более сгустился.

И ранней весной 1953 г. атмосфера стала настолько насыщенной этим ядом, что Ковалю показалось – единственной надеждой на спасение является попытка найти защиту на самом верху. «На самом верху» после смерти Сталина вновь оказался Берия. Жорж Абрамович помнил, что его отчет у Берии был принят доброжелательно и он сам, вероятно, тому запомнился – чутье разведчика Ковалья говорило ему, что хотя он и не был принят в атомный проект, но впечатление о себе оставил хорошее. Конечно, ему очень не хотелось ворошить прошлое, но в создавшейся обстановке он вынужден был это сделать. И Коваль решает напомнить о себе своему бывшему руководству. Разумеется, личное обращение к Берии в эти дни было для него невозможно, но был шанс использовать какие-то старые связи в ГРУ. И в сложившейся обстановке Коваль решил попытаться.

Такое утверждение может объяснить одно странное событие в биографии Жоржа Абрамовича. Я имею в виду широко известный эпизод с обращением

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего аннулируется запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2				3	4
				До поступления в МХИИ-СЭИ	ниж на работу с работы Об М-Уев	Отмена. от 27/II. 1934
				МХИИ и чл.	Дл. Менделеева	№847
1.	1952	X	1	Замесек на лабораторию	долженость сл.	7/12. 1952
2.	1952	XI	1	переведен на научную сесир	долженость сл.	№=962
3.	1953	II	23	Освобожден от занимаемой должности	удиня	19/II 1953
				Имен. От	сл. Саммиаилов	Пр. №=110 от 9/II 53
					по сокращению штатов	
					И.О.С.	

Листы 2 и 3 трудовой книжки Ж. А. Ковалья. Запись № 3 от 23 февраля 1953 года: «Освобожден от занимаемой должности по сокращению штатов», приказ № 110 от 9 февраля 1953 г.

Ковалья в ГРУ по поводу «помощи в трудоустройстве» в 1953 г., который рассмотрен Лотой одновременно с публикацией отредактированного им текста самого письма Ковалья⁶⁹.

Вопреки распространенному в биографических публикациях о Ковале мнению, его обращение в ГРУ состоялось не после «около года» безуспешных поисков работы, как сказано в книге Лоты⁷⁰, а всего через две недели после получения извещения отдела кадров МХТИ им. Д.И. Менделеева об увольнении с должности младшего научного сотрудника этого учреждения. Так что *длительными страданиями* безработного объяснить это обращение никак нельзя.

В каких условиях писалось это письмо? 4 марта объявлено о болезни Сталина, 6 марта – о его смерти, 6–9 марта – прощание в Колонном зале Дома Союзов, 9 марта – похороны. И именно в эти дни Коваль пишет свое письмо. Его черновик датирован 7 марта, днем, когда тело Сталина еще не погребено (исправлено на 10 марта – вероятно, для чистовика), а Москва затихла в глубоком трауре.

Что же на самом деле так страшило Жоржа Абрамовича в эти дни настолько, что он написал письмо о помощи в ГРУ, из которого был уволен почти пять лет назад и никаких официальных связей с этой организацией в течение всех этих лет не поддерживал? Мне представляется, что на такой шаг его могли толкнуть только чрезвычайные обстоятельства, связанные с угрозой жизням его самого и его близких.

И такие обстоятельства именно в эти дни, действительно, были. Не только над ним, но и над тысячами его соплеменников нависла смертельная угроза государственного еврейского погрома. «Дело врачей-отравителей» приближалось к своему финалу. По Москве ползли слухи о том, что этот финал будет катастрофическим для евреев. «Отравителей» публично повесят, а «евреев-космополитов», якобы спасая от «народного гнева», вышлют в концлагеря, попутно уничтожая руками энтузиастов-антисемитов. Дискуссия историков о том, насколько справедливы были эти слухи, продолжается до сих пор, но для меня весомейшим аргументом в пользу обоснованности этих слухов является именно письмо Ковалья в ГРУ от 10 марта 1953 г.

«От меня не скрывали, что трудность оформления меня на работу возникает (так в оригинале. – Ю. Л.) из-за “анкетных данных”». Судя по всему, ждать было уже нельзя ни дня – Жорж Абрамович мог узнать об этом по своим каналам у знакомых – бывших сослуживцев по ГРУ. Вот похоронят вождя – и начнется! А то, что такие знакомые у него были, – несомненно. Поэтому в конце письма – почти прямая просьба о физической защите: «...убедительно прошу Вас вызвать меня лично. Связаться со мной можно по-прежнему через мою жену Иванову Л.А. по телефону В-1–34–40. Жду Вашего ответа».

Передача этого письма через какого-то доверенного человека была рассчитана на то, что руководство ГРУ как-то свяжется с весильным в этот момент Берией, а тот, в свою очередь, вспомнит о Ковале-Дельмаре, его вкладе в атомный проект и их беседе в 1949 г. Просьба о работе – это декоративное прикрытие истинной просьбы: сохранить жизнь.

⁶⁹ Лота. ГРУ и атомная бомба... С. 258–261; Лота. Ключи от ада... 2009. С. 440–443.

⁷⁰ Лота. ГРУ и атомная бомба... С. 260.

от меня не скрывали, что труд-
ность оформления меня на работу возникает
из-за «анкетных данных».

убедительно прошу Вас вызвать меня
лично. связаться с Вами можно по телефону
через мою жену Иванову Л. А. по телефону В-1-3430.
Жду Вашего ответа.

16 марта, 1953

Фрагменты черновика письма Ж.А. Коваля в ГРУ, март 1953 г.

А то, что относительно Коваля у руководства ГРУ были какие-то особые инструкции, инициированные, вероятно, самим Берией, подтверждается тем, что даже в условиях хаоса власти в первые дни после смерти Сталина на просьбу «безработного Коваля» откликнулись немедленно – уже 16 марта соответствующее письмо было направлено начальником ГРУ генерал-лейтенантом М. Шалиным министру высшего образования В.Н. Столетову ⁷¹.

Но, конечно, гораздо важнее было то, что Берия сам круто изменил сценарий «Дела врачей» и 3 апреля все арестованные были освобождены. И строительство концлагерей для депортированных евреев было прекращено.

Апрель 2003 г.

Прошло еще 50 лет. И случилось то, о чем он совершенно не думал и что не могло ему даже присниться в 1949 г. – возобновление дружественных отношений со своим ок-риджским сослуживцем Арнольдом Крамишем и обсуждение с ним подробностей своего отчета Берии более чем через полвека после увольнения из ГРУ! Подробности возобновления связей Крамиша и Коваля

⁷¹ Там же. С. 261.

Арнольд Крамиш. Фотография, присланная им Ж. А. Ковалю

изложены на документальной основе в ряде публикаций, начавшихся еще при жизни Жоржа Абрамовича ⁷².

Присылка Крамишем Ковалю именно этих листов в апреле 2003 г. явно не случайна и «многосмысленна». Во-первых, Крамиш дает понять Ковалю, насколько глубоко он проник в историю его работы как разведчика. Но делает это не прямо, а намеком («я думаю, тебе будет невероятно интересно!»⁷³), как бы между прочим. Такая форма сообщения как бы даже не требует анализа, оценки и ответа. Но американская «бесхитрость» глубоко продумана: присланные документы должны показать Ковалю, насколько обширны связи Крамиша с миром разведки – ведь эти документы хотя и рассекречены, но нигде не опубликованы! Недаром в своем письме он упоминает имена Теодора Алвина

Холла, Джо Олбрайта и Марсии Канстелл. Это придает остроты их общению, которое, безусловно, было важным элементом духовной жизни обоих.

Во-вторых, Крамиш желает знать реакцию Ковалю на тот факт, что российское руководство, рассекретив эти документы, фактически сняло запрет на обсуждение разведработы Ковалю. Любая реакция Жоржа Абрамовича была важна Крамишу. Если Коваль признает документы относящимися к его работе в США, это будет «юридической точкой» в истории его участия в Манхэттенском проекте. Если откажется от своей причастности к ним, это будет прямой ложью с его стороны и тем самым отказом от дружественной доверительности их отношений. И Крамиш получит моральное право «развязать язык» по отношению к известным только ему фактам из жизни Ковалю в США и вольно их интерпретировать в выгодном для себя свете.

В-третьих, со своей стороны Крамиш демонстрирует Ковалю честность и верность негласному кодексу мужской дружбы – ради них он не воспользовался этими документами для создания сенсации в американской прессе. Ведь он мог бы, например, даже не раскрываясь сам, подсказать Олбрайту и Канстелл тему сенсационной публикации.

Были, конечно, и другие смыслы – личности Ковалю и Крамиша столь неординарны, что полный анализ мотивов их поступков вряд ли возможен.

⁷² Жуков. Mendeleyevets at Oak-Ridge...; Жуков. Жорж Абрамович Коваль (1913–2006)...; Лебедев. Два выбора...

⁷³ Электронное письмо А. Крамиша Ж. А. Ковалю...

Жорж Абрамович нашел оптимальную форму поведения в этой ситуации. Он как бы принял «легкомысленную» оценку Крамишем присланных документов – любопытно, но не более. Настолько «не более», что не стоит и разговора о них. Ведь Крамиш не задал прямого вопроса об оценке их значимости, поэтому и не получил никакого ответа. Для себя же Коваль, конечно, сделал важный вывод – рассекречивание данных о его отчете ГРУ 1949 г. произошло без консультаций с ним по простой причине – ведь в Министерстве по атомной энергии в 1993 г. даже не знали о его существовании!⁷⁴ И ГРУ не было причастно к этой утечке информации о нем⁷⁵. В результате теперь он должен был решать сам – о чем сегодня стоит рассказать, а о чем лучше промолчать. И, как мне кажется, все это только укрепило его в правильности своей философской оценки всего комплекса вопросов истории атомных проектов и Советского Союза и США: «Пусть в истории лучше будет больше белых пятен, чем черных страниц»⁷⁶.

Настойчивость же и нетерпение Крамиша-историка объясняется тем, что он осознает свою значимость в историографии атомных проектов XX в. и роль в них Ковалья. И спустя два месяца он снова возвращается к теме биографии Ковалья и содержания ранее присланных им страниц рассекреченного отчета:

Касательно твоего вопроса «Планирую ли я написать что-то о тебе». Да, потому что ты наиболее значимый из всех моих знакомых военного времени. Книга Лады⁷⁷ хороша, но она не полностью выявляет длинную историю твоего подвига. Совершенно ясно, что ты заслуживаешь, чтобы была написана твоя личная биография. Очевидно, безо всякого хвастовства, что единственный человек, а именно твой покорный слуга, имеет достаточно знаний в истории и науке для написания твоей биографии (перевод М.Г. Коваль)⁷⁸.

⁷⁴ Проверка факта рассекречивания Минатомом присланных Крамишем документов подтвердила достоверность этого факта. В полученном мною из Центрального архива атомной отрасли государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» письме от 17 мая 2016 г. за № 23-0/390 директор этого учреждения Ю. А. Великая написала: «Сообщаю, что архивный документ, копия которого была направлена в наш адрес для установления ссылки при его использовании в Вашей статье, имеет следующие библиографические данные: ЧУ (частное учреждение. – Ю. Л.) «Центратомархив», фонд № 1, опись № 7/с, дело № 14, л. № 25». Однако моя попытка ознакомиться с самим делом оказалась безуспешной. В ответ на просьбу об ознакомлении с делом № 14 от 23 мая 2016 г. я получил электронное письмо от референта директора А. А. Захаровой со следующим уведомлением: «Сопроводительное письмо, копия которого была Вами направлена в наш адрес, рассекречено в 1993 году. Документы, перечисленные в сопроводительном письме, находящаяся в архивном деле, имеющем гриф секретности, в связи с чем доступ к данному делу предоставлен быть не может».

⁷⁵ То, что в 1993 г. ГРУ не вступало в контакт с Ковалем по поводу рассекречивания документов, очевидно следует из событий его «второй вербовки», подробно проанализированных в: *Лебедев*. Два выбора...

⁷⁶ *Лота*. ГРУ и атомная бомба... С. 349.

⁷⁷ Описка Крамиша. Речь идет о книге Лоты «ГРУ и атомная бомба...», которую ему прислал Коваль и позже, независимо от него, В. Б. Барковский.

⁷⁸ Электронное письмо А. Крамиша Ж. А. Ковалю...

Но Крамиш-историк прекрасно осознает, что его знаний о работе Ковалева-разведчика явно недостаточно для серьезной исторической публикации. И он продолжает попытки получить информацию для выявления истинного вклада разведчика Ковалева в реализации атомного проекта СССР.

Но написание твоей биографии параллельно с моей собственной кажется мне в данный момент слишком сложной задачей. А также, чтобы написать твою полную биографию, мне нужно задать тебе массу вопросов, на которые ты, вероятно, не захочешь или не сможешь ответить. Например, отчет от 4 марта 1949 г., две страницы которого я вложил в книгу *Bombshell*. У меня есть еще несколько страниц⁷⁹, которые были частью достаточно большого отчета. Страницы, которые у меня есть, были переданы в Москве Олбрайту и Канстелл⁸⁰. В частности, я бы хотел задать вопросы о дейтонских материалах, знаешь ли ты хоть что-то об их финальном использовании? (перевод М.Г. Коваль)⁸¹.

Вопросов у Крамиша-историка очень много. Но пока он даже не решается сформулировать большинство из них. И только от одного удержаться не может – о дейтонских материалах, связанных с производством и использованием полония: «...знаешь ли ты хоть что-то об их финальном использовании?» Здесь его азарт историка неудержим⁸².

Вместе с тем из текста письма видно, что Крамиш-разведчик прекрасно понимает сложившееся к тому моменту положение Жоржа Абрамовича в «золотой клетке ГРУ»⁸³ и вовсе не надеется получить ответ на свои заданные (и не заданные!) вопросы, «на которые ты не захочешь или не сможешь ответить». Но и не задать их он не мог!

Жорж Абрамович не нарушил дружественности контакта и не стал отрицать свою причастность к этим документам, но и комментировать что-либо не захотел. После этого оба собеседника поняли друг друга без слов, и диалог по этой теме угас.

⁷⁹ Отмечу, что из этого следует, что Крамиш имел в своем распоряжении по крайней мере еще несколько страниц отчета Ковалева, которые, судя по письму А.А. Захаровой от 23 мая 2016 г. в мой адрес, до сих пор остаются засекреченными в ЧУ «Центратомархив».

⁸⁰ Джозеф Олбрайт (*Joseph Medill Patterson Albright*) и Марсия Канстелл (*Marcia Kunstell*) – американские журналисты, супруги. Канстелл в 1994 г. была корреспондентом газеты «Москво таймс» (*The Moscow Times*) и оба они были московскими корреспондентами «Кокс Ньюспейпер» (*Cox Newspapers*).

⁸¹ Электронное письмо А. Крамиша Ж.А. Ковалю...

⁸² Конечно, это вызвано чрезвычайной важностью вопроса о полонии при практическом осуществлении имплозивной схемы атомной бомбы. Вот что написал мне известный физик, один из создателей водородной бомбы мощностью 50 Мт («Царь-бомба») и авторитетный историк советского атомного проекта Ю.Н. Смирнов, когда в 2008 г., т.е. спустя 60 лет после описанных в настоящей статье событий, мы обсуждали с ним роль Ковалева (и более широко, советской разведки) в создании первой советской атомной бомбы. Я просил его познакомить меня со специалистами, которые помогли бы по имеющимся тогда публикациям Лоты что-то конкретизировать в технических деталях устройства, о котором сообщил Коваль. Юрий Николаевич написал мне: «...с учетом требований документа о нераспространении (имеется в виду «Договор о нераспространении ядерного оружия». – Ю. Л.), на этот круг вопросов вполне может быть наложено изначальное и абсолютное табу, исключаящее “открытые” обсуждения» (Электронное письмо Ю.Н. Смирнова Ю.А. Лебедеву от 26 января 2008 г.).

⁸³ *Лебедев. Два выбора...* С. 58–71.

Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?

Плутоний, полоний, Ок-Ридж, Дейтон, Берия, Курчатов, Крамиш, ГРУ, ФБР, антисемитизм, интернационализм – какая причудливая смесь личностей, сущностей и понятий, определивших историческое лицо XX в.! Конечно, это не единственный набор параметров, определяющих индивидуальное историческое обличье атомного века. Да и был этот век не только атомным, но и космическим, кибернетическим, генетическим и еще многим другим. Но если мы расседем историческое время любой содержательной плоскостью, каждое такое сечение будет содержать максимальную концентрацию событий в определенном отрезке времени. Вот этот отрезок мы и называем веком или эпохой с историческим лицом.

Связаны эти события воедино судьбами людей. И мне кажется, что среди связующих нитей атомного века нити судьбы Коваля – американского мальчишки, советского студента, агента Дельмара, доцента МХТИ, «просто пенсионера» – окажутся переплетенными с самыми важными и острыми событийными кластерами. Этот граф эвереттических ветвлений своей судьбы Жорж Абрамович оставил для расшифровки именно нам. Его звезда, только что взшедшая на небосклоне истории, не должна угаснуть.

В заключение еще раз кратко сформулируем результаты анализа текста публикуемого документа:

1) отчетный доклад о результатах работы разведчика Коваля на атомных объектах Манхэттенского проекта в 1949 г. привлек внимание высшего руководства советского атомного проекта;

2) на основании данных этого доклада и предыдущей оперативной информации Коваля были приняты важные решения, сыгравшие значительную роль в ускорении реализации задач советского атомного проекта (прежде всего в успехе испытания первой советской атомной бомбы). Это подтверждает мнение президента РФ В. В. Путина о том, что добытая Ковалем информация «помогла существенно сократить сроки разработки и создания отечественного атомного оружия»⁸⁴;

3) судьба Коваля после 1949 г. в значительной мере была обусловлена особенностями взаимоотношений Берии и Курчатова в последний период подготовки испытания первой советской атомной бомбы;

4) для воссоздания объективной истории как советского, так и американского атомных проектов необходимо дальнейшее рассекречивание и изучение архивных материалов как в России, так и в США, а также активный поиск свидетелей событий и фиксация их воспоминаний.

Автор благодарит М. Г. Коваль, Г. И. Ковалю, В. И. Коваль, Л. С. Соловьеву за предоставление документов из семейного архива и помощь в работе; Е. С. Дмитриева за содержательную информацию о Ж. А. Ковале; П. А. Глушеникова, Е. Б. Шиховцева и других лиц, не пожелавших своей персонализации

⁸⁴ Владимир Путин передал в музей ГРУ медаль «Золотая Звезда», грамоту и книжку Героя России советского разведчика Жоржа Ковалю // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/43173>.

в тексте, за обсуждение концептуальных вопросов деятельности разведки и текста статьи, а также А.Ю. Лебедева и А. Фриз (A. Freise) за текстологическую помощь.

References

- Albright, J. and Kunstel, M. (1997) *Bombshell. The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy*. New York: Times Books.
- Andreev, A. V. and Kojevnikov, A. B. (1994) Kopenhagenskaia operatsiia sovetskoi razvedki [The Copenhagen Operation of the Soviet Intelligence Service], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 2, pp. 18–21.
- Andriushin, I. A., Chernyshev, A. K. and Iudin, Iu. A. (2003) Khronologiiia osnovnykh sobytii istorii atomnoi otrasli SSSR i Rossii [The Chronology of Key Events in the History of the Nuclear Industry in the USSR and Russia], in Il'kaev, R. I. (ed.) *Ukroshchenie iadra: stranitsy istorii iadernogo oruzhiia i iadernoi infrastruktury SSSR [Taming the Nucleus: The Pages of the History of Nuclear Weapons and Nuclear Infrastructure in the USSR]*. Sarov and Saransk: Krasnyi Oktiabr'.
- Bespalov, A. V. and Semenov, G.M. (2013) *Zhorzh Abramovich Koval', zashchitnik Otechestva, pedagog, uchenyi, chelovek (ocherki istorii) [George Abramovich Koval, A Defender of the Fatherland, Teacher, Scientist, and Man (Historical Essays)]*. Moskva: RKhTU.
- Broad, W. J. (2007) A Spy's Path: Iowa to A-Bomb to Kremlin Honor, *The New York Times*, November 12.
- Broad, W. J. (2007) An American 'Regular Guy' Was a Russian Top Spy, *The New York Times*, November 11.
- Goncharov, G. A. and Riabev, L. D. (2001) O sozdanii pervoi otechestvennoi atomnoi bomby [On the Creation of the First Soviet Atomic Bomb], *Uspekhi fizicheskikh nauk*, vol. 171, no. 1, pp. 79–104.
- Gorelik, G. E. and Kojevnikov, A. B. (1999) Chto spaslo sovetskuiu fiziku ot lysenkovanii? Dialog [What Saved Soviet Physics from Lysenkoism? A Dialogue], *Privoda*, no. 5, pp. 95–104.
- Gorobets, B. S. (2014) Iadernyi revansh Sovetskogo Soiuz. Sud'by Geroev, dvazhdy Geroev, trizhdy Geroev atomnoi epopei [The Nuclear Revenge of the Soviet Union. The Fates of Heroes, Twice Heroes, Thrice Heroes of the Nuclear Saga]. Moskva: Krasand.
- Latynina, A. (2006) "Istinnoe proisshestvie" i "raskhozhiy sovetskii siuzhet" ["A Real Event" and "A Popular Soviet Story"], *Novyi mir*, no. 6, pp. 168–176.
- Lebedev, Iu. A. and Koval', G. I. (2014) Pishchat' nel'zia... [Squeaking Is Not Allowed...], *Istoricheskii vestnik RKhTU*, no. 44 (2), pp. 20–21.
- Lebedev, Iu. A. (2008) Paradoksy sud'by [Paradoxes of Fate], *Okna (ezhenedel'noe prilozhenie k gazette "Vesti", Tel-Aviv)*, January 10, 2008, pp.18, 22, January 17, 2008, pp. 20, 33, February 14, 2008, pp. 38–39, February 21, 2008, pp. 26–27.
- Lebedev, Iu. A. (2009) O doblesti, o podvige, o slave... Paradoksy syd'by Geroia Rossii Zhorzha Kovalia [Valor, Feat, Glory... The Paradoxes of the Fate of George Koval, the Hero of Russia], *Istoricheskii vestnik RKhTU*, no. 28 (3), pp. 13–29.
- Lebedev, Iu. A. (2014) *Dva vybora... (ob istorii verbovok Zh.A. Kovalia) [Two Choices ... (the History of George Koval's Recruitments)]*. Moskva: RKhTU.
- Lota, V. I. (1999) Kliuchi ot ada [The Keys to Hell], *Sovershenno sekretno*, no. 8 (124), pp. 18–19.
- Lota, V. I. (2002) *GRU i atomnaia bomba [The Main Intelligence Directorate and the Atomic Bomb]*. Moskva: Olma-Press.
- Lota, V. I. (2002) Operatsiia "Del'mar" [Operation "Delmar"], *Krasnaia zvezda*, April 19, no. 71 (23616), pp. 1–2.
- Lota, V. I. (2006) Vklad voennykh razvedchikov v sozdanie otechestvennogo atomnogo oruzhiia. 1941–1945 gg. [The Contribution of Military Intelligence Agents to the Creation of the Soviet Atomic Weapons. 1941–1945]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 11, pp. 40–44.
- Lota, V. I. (2007) Ego zvali "Del'mar" [He Was Called "Delmar"], *Krasnaia zvezda*, July 25, no. 128 (24894), pp. 3–4.
- Lota, V. I. (2008) *Kliuchi ot ada [The Keys to Hell]*. Moskva: Kuchkovo pole.

- Lota, V. I. (2008) Zvezda "Del'mara" [The Star Of "Delmar"], *Rossiiskoe voennoe obozrenie*, no. 10, pp. 40–44, no. 11, pp. 34–49.
- Medved', A. N. (2010) K istorii sozdaniia pervoi otechestvennoi iadernoi bomby [Towards the History of the Creation of the First Soviet Nuclear Bomb], *Dvigatel'*, no. 1 (67), pp. 42–45.
- Riabev, L. D. (ed.) (2002) *Atomnyi proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR Atomic Project: Documents and Materials]. Moskva: Izdatel'stvo MFTI, vol. 1, pt. 2.
- Shitov, A. (2008) Agent Del'mar vykhodit na sviaz' [Agent Delmar Makes Contact], *Rossiiskaia gazeta*, January 30, no. 4575, p. 9.
- Shitov, A. (2008) Geroi Rossii ostalsia grazhdaninom SShA [The Hero of Russia Remained a US Citizen], *Rossiiskaia gazeta*, June 4, no. 4676, p. 9.
- Sokolov, B. V. (2008) *Beriia. Sud'ba vsesil'nogo narkoma* [Beria. The Fate of the All-Powerful People's Commissar]. Moskva: AST.
- Solzhenitsyn, A. I. (1978) *V krughe pervom* [In the First Circle]. Paris: YMCA-Press.
- Terletskii, Ia. P. (1994) Operatsiia "Dopros Nil'sa Bora" [The Operation "Interrogation of Niels Bohr"], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 2, pp. 21–44.
- Walsh, M. (2009) Iowa – Born, Soviet – Trained, *Smithsonian*, May, pp. 40–47.
- Zhukov, A. P. (2001) Mendeleevets v Oak-Ridge (st. Tennessee USA) [A Mendeleevian at Oak Ridge, Tennessee (USA)], *Istoricheskii vestnik RKhTU*, no. 3 (5), pp. 31–35.
- Zhukov, A. P. (2013) Atmosfera deistvii: Zhorzh Abramovich Koval' (1913–2006) [The Atmosphere of Action: George Abramovich Koval (1913–2006)]. Moskva: RKhTU.